

«бистро» и там один, сидя за бутылкой вина, писал нежно и почтительно любовное письмо к женщине, которую очень мало знал, но которую любил скрытой любовью. Так родились трогательные и нежные строки Куприна поэта:

*«Ты смешон с седыми волосами...»
Что на это я могу сказать?
Что любовь и смерть владеют нами?
Что велений их не избежать?
Нет, я скрою под учтивой маской
Запоздалую любовь мою...
Развлеку тебя забавной сказкой,
Песенку веселую спою.
Локтем опершись о подоконник,
Смотришь ты в душистый темный сад.
Да. Я видел: молод твой поклонник.
Строен он, и ловок, и богат.
Все твердят, что вы друг другу пара,
Между вами только восемь лет.
Я тебе для свадебного дара
Присмотрел рубиновый браслет...
И никто на свете не узнает,
Что годами, каждый час и миг,
От любви томится и страдает
Вежливый, внимательный старик.
Но когда потоком жгучей лавы
Путь твой перекроет гневный Рок,
Я охотно, только для забавы,
Беззаботно лягу поперек...»*

Потребность в идеальном, очищенном от всего житейского романтическом чувстве жила в Куприне до конца его дней.

Любовь до самоуничтожения и даже до самоуничтожения, готовность погибнуть во имя любимой женщины — тема эта, затронутая неуверенной рукой в раннем рассказе «Странный случай», расцветает в волнующем, мастерски написанном «Гранатовом браслете». Стремясь воспеть красоту высокого, но заведомо безответного чувства, на которое «способен, быть может, один из тысячи», Куприн, однако, наделяет этим чувством крошечного чиновника Желткова. Его любовь к княгине Вере Шейной безответна, а сама история, рассказанная Куприным, приобретает отсвет мелодрамы. Пусть так, но она продолжает волновать сотни тысяч людей, и сегодня оплакивающих невыдуманными слезами желтковскую судьбу. Недаром произведения Куприна привлекают мировой кинематограф — от созданного по мотивам «Олеси» французского фильма «Колдунья» до наших «Поединок» и «Гранатового браслета».

Романтическое поклонение женщине, рыцарское служение ей противостояли в произведениях Куприна циничному глумлению над чувством, живописанию разврата, который под видом освобождения от мещанских условностей проповедовали в 1910-е годы Арцыбашев или Анатолий Каменский. Но в целомудрии купринских героев есть что-то надрывное.

Недооценка себя, неверие в свое право на обладание любимой женщиной, судорожное желание замкнуться, уйти в себя — эти